

Софи Шерадам: французская художница в Петербурге 1820-х годов

Ольга Байрд (Яценко)

Несколько лет назад в Петербурге широко отмечалось двухсотлетие со дня рождения великой княгини Елены Павловны (Шарлотты Вюртембергской, 1806–1873), чья благотворительная и общественная деятельность оставила в России долгую и добрую память. На юбилейной выставке, проходившей в Михайловском дворце, были показаны ее малоизвестные и неизвестные изображения, в числе которых был и портрет Елены Павловны из собрания Государственного Эрмитажа кисти французской художницы Софи Шерадам, датированный 1824 годом (ЭРЖ-1168). Этот подписной портрет, ранее считавшийся портретом неизвестной дамы, был атрибутирован хранителем Михайловского дворца З. А. Перскевич и хранителем отдела русской культуры Государственного Эрмитажа Ю. Ю. Гудыменко¹.

Софи Шерадам совсем неизвестна в России и очень мало известна во Франции. Хотя во французских и международных справочниках имен художников² можно найти мадам Софи Шерадам, урожденную Берто (Sophie Cheradame, née Bertaud, 1793–25.2.1829), сведения о ней скудны и противоречивы. Она жила

Портрет великой княгини Елены Павловны. 1824 г. Государственный Эрмитаж

в Париже, специализировалась в исторической и портретной живописи и с 1812 по 1822 год довольно регулярно экспонировала свои работы в Салоне, сначала под фамилией Берто, а затем – Шерадам.

Портрет папы Пия VII. 1823 г. С оригинала Ж.-Л. Давида. Нынешнее местонахождение неизвестно

Она была ученицей Жака-Луи Давида (1748–1825), о чем известно из списка учеников Давида, составленного его внуком³. Сильное влияние классических идеалов Давида

узнается, например, в ее картине «Дочери Миния» («Filles de Minée», 1817) на сюжет из «Метаморфоз» Овидия, который был использован и Лафонтеном. Нынешнее местонахождение картины неизвестно, но она была воспроизведена в каталоге Салона 1817 года. О близости художницы к Ж.-Л. Давиду говорит и ее недавно появившийся на аукционе⁴ портрет папы Пия VII, выполненный в 1823 году, – одна из трех копий портрета кисти Давида 1805 года, исполненных его учениками. В картинной галерее аббатства Торре⁵ в Девоншире (Англия) имеются

Классические головки. Без даты. Галерея аббатства Торре, Великобритания

«Агарь в пустыне». 1814 г.

две небольших акварели, изображающие классические головки и тоже отражающие моду на античность. К сожалению, история их бытования и поступления в коллекцию неизвестна.

Софи Шерадам была не только подражательницей своего учителя, но пробовала себя и в других жанрах. В Салоне 1814 года была показана ее «Агарь в пустыне», которая получила одобрение гравера и литографа Франсуа Дельпеша (1778–1825)⁶, но вызвала ироническое замечание некоей мадемуазель Эрард: «Ваша Агарь, мадемуазель, кажется по меньшей мере такой же молодой, как ее сын, и я нахожу, что он нарисован плохо»⁷. Ее картины «Воспитание Людовика Святого», которая датируется этим же временем⁸, и «Фея Уржелъ», показанная в Салоне в 1822 году, отражают интерес художницы к входящему в моду романтическому средневековью. «Садовница» (La jardinière), экспонированная в Салоне 1819 года, заслужила похвальный отклик обозревателя, одного из авторов «Писем к Давиду», составленных его учениками: «Еще имеется “Садовница” мадам Шерадам, мимо которой невозможно пройти. Я бы желал знать, портрет ли это или фантазия. В любом случае и я, и многие другие полагаем, что если бы эта садовница существовала где-то вне Салона, то ее цветам уделялось бы мало внимания. Для чести природы я бы желал, чтобы это был портрет, но для славы мадам Шерадам надеюсь, что эта очаровательная

Портрет молодого человека.
1810 г. Музей изящных искусств
г. Нанси, Франция

головка – плод ее воображения»⁹. В целом можно увидеть, что как художник, и особенно художник-портретист, она развивалась быстро и интенсивно. В 1820 году она была награждена медалью Салона¹⁰.

Портреты составляют наиболее значительную часть ее работ, так как именно портретная живопись приносила заказы, а значит, и средства к существованию. На сегодняшний день ее самой ранней известной портретной работой является изображение безымянного молодого человека, находящегося в музее изящных искусств г. Нанси. Портрет датирован 1810 годом, то есть художнице было всего 17 лет¹¹. Согласно Словарию художников французской школы, в Салоне 1812 года были представлены ее портреты шевалье Огюстена Огера (1751–1815), кавалера ордена Почетного Легиона, коменданта дворца Тюильри и Лувра с 1804 по 1815 год, и его супруги, мадам Огер¹². В Национальном музее армии (Париж) хранится портрет в полный рост генерала Дезво де Сен-Мориса (1775–1815). Портрет датирован 1818 годом и не был написан с натуры, так как генерал погиб в сражении при Ватерлоо 18 июня 1815 года. Надо полагать, что он был заказан родными как память о погибшем. Портрет был экспонирован в Салоне 1819 года и оценен достаточно высоко в «Письмах к Давиду»: «Генерал Дезво отдал свою жизнь при Ватерлоо, как соратники Леонида при Фермопилах, но он был менее счастлив, чем эти древние герои, так как его тело не стало барьером для иностранного

вторжения. Его образ существует только в миниатюре и в памяти вдовы; мадам Шерадам увековечила его существование и выразила свое отношение к нему. Портрет генерала в полный рост <...> это настоящий шедевр в глазах тех, кто знаком с секретами композиции, и следует отдать должное кисти его автора»¹³.

Одновременно в Салоне был показан «Портрет мадам А.», который идентифицируется по «Письмам к Давиду» как портрет певицы мадам Аллард: «Та же художница показала и портрет мадам Аллард, одной из дам нашего общества, славящейся своим голосом и музыкальным талантом; кто-то сказал рядом со мной: “Этот портрет не говорит, он поет”. Мадам Аллард не может пожаловаться на художницу, так как все единодушны в том, что она особенно хороша, когда поет»¹⁴.

В замке Талси-сюр-Мер (Chateau de Talcy), расположенном неподалеку от Блуа в долине Луары, имеется портрет Филиппа Альберта Штапфера (1766–1840), швейцарского писателя, политического деятеля, педагога и реформатора. Женатый на француженке, Штапфер постоянно жил во Франции с 1803 года и приобрел замок Талси в 1820-х годах.

Портрет генерала
Дезво де Сен-Мориса. 1818 г.
Национальный музей Армии, Париж

Воспитание Людовика Святого.
1822 г.
Частная коллекция

Портрет датируется приблизительно 1820 годом¹⁵. Некоторые обстоятельства парижских встреч Штапфера и Софи Шерадам могут быть найдены в истории семьи швейцарского пастора Жана Монода (1765–1836) и его датчанки-жены Луизы-Филиппины, урожденной де Конинк (1775–1851). История составлена и опубликована их сыном Густавом (1803–1890)¹⁶. Семья поселилась в Париже в 1808 году, несколько раз меняла адрес, и в 1820–1829 годах жила на 21, rue de Tour d'Auvergne, где Софи Шерадам оказалась их ближайшей соседкой и приятельницей: «очарование Тура значительно увеличилось и тем, что остальная часть дома была занята его владелицей и тремя жильцами: господином Тардифом <...> мадам Шерадам, выдающейся художницей, и семьей Голдсмит, состоявшей из отца, матери и маленькой девочки; мадам Шерадам занимала нижний этаж левого крыла. Владелица, мадам Ванивилль, жила на втором этаже правого крыла с двумя дочерьми в возрасте двадцати лет»¹⁷. Филипп Альберт Штапфер не только был давним и близким другом Монодов, но давал уроки их сыновьям Билли (Гийому) и Адольфу. Составитель рассказывает, как завершение 1820 года было отмечено ужином, который его отец задал «нескольким друзьям 31 декабря 1820 года. В числе гостей были Штапферы, Ванивилли, Шерадам. Большое пианино было принесено в гостиную, и устроены танцы до полуночи, которую нетерпеливо ожидала молодежь, чтобы насладиться поцелуями при наступлении нового года. Одна из Ванивиллей пыталась убежать, но была поймана и ее постигла та же участь. Этим веселым праздником закончился наш первый год на Tour d'Auvergne»¹⁸. Кроме того, Густав Монод сообщает, что в том же 1820 году его мать, Луиза Монод, урожденная де Конинк, «наградила семью своим портретом в полный рост, писанным мадам Шерадам. Этот портрет перешел к Бетси и ее потомкам в Гавре»¹⁹.

Наиболее известными во Франции портретными работами Софи Шерадам являются портрет Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графини де Жанлис (1746–1830), созданный в 1821 году, и портрет театрального деятеля,

Портрет Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графини де Жанлис. 1821 г. Версаль, Франция

драматурга, автора популярных мелодрам Рене-Шарля де Пиксерекура (1773–1844), экспонированный в Салоне годом позже.

Мадам Жанлис сама описала свой портрет в Мемуарах: «Я заказала свой большой портрет маслом мадам Шерадам, которая обладает большим талантом; я представлена по колению, пишущей ночью, и рядом со мной лампа, готовая погаснуть, и я остановилась, видя рождение дня – это идея Памелы²⁰; рядом с лампой – ваза с цветами, и, наконец, книга, на обороте которой написано слово “Евангелие”; потому что, в сущности, мораль всех моих произведений всегда основывалась на заповедях этой святой книги. Сзади меня, в тени – арфа. Мне очень не хотелось быть изображенной в моем возрасте, но г-н Валенс²¹ желал иметь мой портрет, и я сделала это для него»²².

Портрет находится ныне в собрании Версаля. Он получил довольно значительную известность благодаря нескольким воспроизведениям: в том же году была исполнена и экспонирована в салоне 1822 года гравюра работы Этьена-Фредерика Линьона (Étienne-Frédéric Lignon, 1779–1833); 1823 годом датирована английская гравюра Р. Купера (R. Cooper); композиция портрета использована (без ссылки на оригинал) в гравюре А. Девериа (Achille Devéria, 1800–1857) и А.-Б. Купе (Antoine-Batiste Coupé, 1784–1852), опубликованной около 1826 года

под названием «Мадам Жанлис в возрасте 80 лет»; около 1830 года появилась гравюра Л. Массара (Leopold Massard, 1812–1889) и Ж. Порро (Jules Porreau).

На создание своего портрета в 1822 году Пиксерекур откликнулся стихотворением «К мадам Шерадам, которая написала мой портрет»:

*До сих пор я прозябал
в страдании и боли,
До сих пор я ограничивал
свои желания,
И никогда не смел надеяться,
Что искусство позаботится
о моем будущем.*

*Благодаря вашей кисти
проснулось мое тщеславие;
Благодаря вам
я буду жить и после смерти.
Такая огромная честь
кажется мне чудом,
И я горжусь своей судьбой.*

*Я оказался среди ваших должников,
Но я никогда не был
неблагодарным.
В один прекрасный день
я прибуду к потомству:
Вы дали мне пропуск в будущее.*

Париж, 4 апреля 1822 г.

Портрет драматурга, гравированный Носсельманом с оригинала Софи Шерадам, в сопровождении этого стихотворения открывает собрание пьес Пиксерекура, изданное в 1841 году²³. Оригинал находится в собрании музея изящных искусств г. Нанси.

Каталоги Салонных упоминают и портреты лиц, обозначенных только

Портрет Рене-Шарля де Пиксерекура. 1822 г.

Портрет молодой матери с дочерью. 1820 г. Нынешнее местонахождение неизвестно

Портрет молодого человека с красным воротником. 1820 г. Нынешнее местонахождение неизвестно

инициалами. Можно полагать, что многие картины Софи Шерадам не перешли в публичные коллекции и остались во владении семей покупателей и заказчиков. Несколько портретов ее работы появилось в последнее время на художественных аукционах. В целом ее произведения, имеющиеся сегодня в поле зрения, в своей совокупности дают некоторое представление о художественной манере Софи Шерадам и даже о социальном круге, к которому она принадлежала, но ее личность, жизнь, судьба и обстоятельства, приведшие ее в Россию, остаются неизвестными.

Новый свет проливают на них недавно обнаруженные обширные

мемуары Людвига-Вильгельма Теппераде Фергюсона (1768–1838), учителя пения в Императорском Царскосельском лицее пушкинской поры, композитора и автора музыки к «Прощальной песне воспитанников Императорского Лицея»²⁴. Мемуары представляют его жизнь в богатом историческом контексте и сообщают новые, доселе неизвестные нам подробности его жизни. Так, мы узнаем, что вскоре после смерти своей жены, Жанны-Генриетты, урожденной Севериной, он женился на молодой француженке, Мари-Катерине-Аделаиде Канель (1790–1834), которая впервые приехала в Россию в 1810 году в качестве компаньонки его тещи, мадам Севериной, и стала доброй подругой его жены. Художница Софи Шерадам, урожденная Берто, оказалась родной племянницей Адели и несколько раз упоминается в мемуарах Теппера.

Эти мемуары вкупе с другими документами, выявленными нынешними владельцами мемуаров во французских архивах или сохранившимися в семье, а также французские генеалогические разыскания сообщают некоторые детали о семье и родных художницы. Так, от Теппера узнаем, что Адель и ее племянница принадлежали к «уважаемой семье, чье состояние поглотила революция». Семейные документы и генеалогические исследования показывают, что семьи Канелей и Берто происходили из Седана в Арденнах и находились в родстве. У Этьена-Никола Канеля (1742–1825), которого документы 1784 года называют «управителем королевской мануфактуры в Седане», и его жены Мари-Терезы, урожденной Хюссон, было несколько детей. Среди них – старшая дочь Мари (1766?–1820), сыновья Луи-Гюстав и Этьен-Франсуа (1784–1851), сделавший значительную военную карьеру, и младшая дочь, Адель.

После революции семья покинула Седан. Мать умерла рано; отец, оказавшись не у дел, поселился в местечке Колиньян в Арденнах, а дети перебрались в Париж. Мари стала женой Захарии Берто (1749–1808) и матерью двоих детей – сына Этьена-Никола (1788–1857) и дочери Мари-Софи (1793–1829), будущей художницы, известной под своим вторым именем – Софи.

Софи Берто вышла замуж за Жана-Франсуа-Мари Шерадама (1791?–18??) 5 октября 1816 года. Согласно акту о бракосочетании, ее адрес на тот момент был 12, rue Joubert в 9-м округе Парижа²⁵. Жених, сын Франсуа-Мари Шерадама и Мари-Луизы Брегет (ум. в 1802 году²⁶), проживал на 48, rue Poissonier.²⁷ Кроме того, адреса невесты и жениха находятся в справочниках «Almanach des 25.000 Adresses des principaux habitans de Paris...» на 1816 и 1817 годы. Оба подтверждают, что «Берто, мадемуазель, художница», действительно, жила на rue Joubert, хотя показанный номер дома – не 12, а 5. Адрес жениха в справочнике на 1817 год совпадает с адресом, указанным в акте о бракосочетании. Шерадам (без имени) назван сублейтенантом 3-го легиона национальной гвардии, негоциантом и торговцем²⁸. Но, кроме того, указано, что он – старший сын ученого-фармацевта Жана-Пьера-Рене Шерадама (1738–1824). Это указание удивляет и представляется ошибочным – оно противоречит как акту о бракосочетании, называющему другое имя отца жениха, так и известным фактам жизни фармацевта Жана-Пьера-Рене Шерадама, у которого была дочь, но не было сыновей.

Жан-Франсуа-Мари Шерадам упоминается и в свадебном контракте Теппера, заключенном в 1824 году, где он назван «бывшим негоциантом»²⁹. Представляется, что он имел отношение к печатному делу и книготорговле³⁰. Это предположение косвенным образом подтверждается тем, что Софи Шерадам в 1820-х годах держала лавку книг и гравюр на 11, rue des Martyrs,³¹ где, например, можно было купить портрет мадам Жанлис, гравированный Линьоном с оригинала, исполненного Софи. Этот же адрес указан в обзорах Салонов 1821–1822 годов³². Кроме того, мадам Жанлис упомянула, что ее сочинения продавались у Шерадама, и ее мемуары раскрывают его близость к литературным и газетным кругам и указывают тот факт, что редакторы Journal des Débats обсуждали с ним возможность переиздания «Эмиля» Ж.-Ж. Руссо и «Века Людовика XIV» Вольтера³³. Но, к сожалению, других сведений о Жане-Франсуа Шерадаме нет – парижские акты регистрации рождений, браков и

смертей погибли во время франко-прусской войны, и упоминаний о нем в других источниках найти пока не удалось.

Теперь, когда мы знаем, по меньшей мере, имена некоторых родных и близких художницы и семейные обстоятельства, можно сделать осторожные предположения о портретах, экспонированных ею в Салонах 1812–1822 годов. Вероятно, первыми ее моделями были члены семьи. Если так, то портрет «Mad. В.» показанный в Салоне 1814 года, может оказаться портретом ее матери, Мари Берто. «Portrait M. С.» 1817 года может быть портретом мужа, мсье Жана-Франсуа Шерадама. Заказ на портрет генерала Дезво де Сен-Мориса (1818) мог быть получен с помощью дяди, Этьена-Франсуа Канеля, который вступил в военную службу в 1802 году, принимал участие в военных кампаниях 1806–1814 годов, и к 1818 году был командиром эскадрона и адъютант-майором королевской гвардии, офицером Почетного Легиона³⁴. В 1822 году Софи экспонировала в Салоне портрет в полный рост «Mlles de V.». Из семейных документов видим, что в том же году Этьен-Франсуа женился на Эмили Шардон де Ванивилль, соседке и приятельнице Софи. Двумя годами позже при заключении свадебного контракта Теппера и Адели Канель присутствовали мадам Женевьева-Жюстина де Ванивилль и мадемуазель Клеменс Луиза Фелисите де Ванивилль, названные подругами невесты³⁵. Поэтому очень вероятно, что «Mlles de V.» – это невеста дяди и ее сестра – соседки и приятельницы художницы. Обозреватель Салона писал: «Кисть мадам Шерадам элегантна; ее рисунок правилен; фигуры не оставляют желать лучшего. Портрет в рост мадемуазелей де В. являет пример прелестной композиции, как и лица, запечатленные на этой картине»³⁶.

Дополнительные сведения о Софи Шерадам, ее семье и житейских обстоятельствах обнаруживаются в недавно опубликованной переписке парижского филолога-эллиниста, библиотекаря Королевской библиотеки Карла Бенедикта Газе (1780–1864) с петербургским академиком Филиппом Иоганном Кругом (1764–1844), касающейся публикации в Париже оригиналь-

ного греческого текста «Истории» византийского писателя Льва Диакона³⁷. Переписка охватывает 1814–1826 годы, свидетельствует о дружбе Газе с семьей Берто-Канелей-Шерадам и подтверждает их близость к литературным и академическим кругам.

Так, из письма Газе от 24 июля 1816 года узнаем, что мадам Берто и ее дочь, мадемуазель Софи, в добром здравии, последняя пишет большие картины маслом, не без таланта. Брат мадам Берто (Этьен-Франсуа Канель. – О. Б.), некоторое время бывший не у дел, опять вступил в службу офицером артиллерийского полка королевской гвардии³⁸.

6 августа 1817 года Газе сообщает, что мадемуазель Канель чувствует себя хорошо, но очень подавлена: ее племянница – та самая, что пишет картины и с тех пор вышла замуж – потеряла новорожденного ребенка³⁹.

В том же 1817 году Софи, однако, имела достаточно сил, чтобы экспонировать две своих картины в Салоне. Каталоги, кроме того, показывают, что со времени своего замужества Софи часто меняла места проживания, хотя все они находились близко друг к другу – к югу от Монмартрского холма, в 9-м округе Парижа. В 1817 году она жила по адресу 30, rue Hauteville. В 1819 году ее адресом названа 31, rue de Bellefond. В справочнике адресов Парижа на 1820 год, действительно, находим Шерадама, лейтенанта национальной гвардии, негоцианта и торговца, проживающего по адресу 31, rue de Bellefond, и мадам Шерадам, урожденную Берто, художницу-портретистку, проживающую по тому же адресу⁴⁰. Rue de Bellefond находится буквально в двух шагах от rue des Martyrs, где Софи будет жить годом позже.

Из письма от 15 августа 1820 года узнаем о семейном горе – смерти матери Софи, мадам Берто, которая сильно потрясла ее младшую сестру, Адель Канель. 14 ноября того же года Газе пишет: «Вы без сомнения уже знаете о смерти мадам Берто; и ее дочь, несколько лет назад вышедшая замуж, мадам Шерадам, тоже имела разные несчастья, и я принял в ней сердечное участие»⁴¹. В течение 1821 года Газе часто навещает Адель Канель и Софи Шерадам, а 20 января 1823

года сообщает: «С удивлением и без особой радости я слышу, что мадемуазель Канель опять собирается в Петербург. Если бы я не был вовлечен в различные международные обстоятельства, я бы не позволил этой милой и нежной барышне уезжать. Но, по крайней мере, она говорит, что не останется в России надолго. Она сопровождает свою молодую племянницу, мадам Шерадам. Мне нет нужды говорить вам, как сильно я хочу, чтобы последняя нашла возможность проявить свой талант к портретной живописи в кругу русских вельмож. Перед ее отъездом я собираюсь опубликовать маленькую похвальную статейку в Journal des Débats»⁴².

Из французских генеалогических исследований следует, что 19 сентября 1820 года у художницы родилась дочь, Мари-Огюстина-Адель, которую семейные документы называют просто Мари. Видно, семейная жизнь Софи не задалась, так как ее тогдашние соседи и друзья Моноды ни разу не упоминают ни ее мужа, ни ребенка, которому не исполнилось и трех лет, когда она уехала в Россию. Можно полагать, что семья находилась в стесненных обстоятельствах – рассказывая об Адели в 1810-х годах, Теппер говорит, что потеря семейных средств вынудила ее искать место компаньонки или гувернантки, и «ей пришлось сделать усилие, чтобы смириться с положением, которое ее образование и память о прошлом благополучии делали еще более тяжелым». Видимо, и спустя десятилетие ее племянница, Софи Шерадам, должна была бороться с нуждой.

10 мая 1823 года Газе пишет, что время отъезда мадам Шерадам и мадемуазель Канель настало так быстро, что он едва успевает черкнуть пару строк, а в Journal des Débats от 14 июля 1823 года, действительно, появилась заметка: «Мадам Шерадам, одна из наших художников, которая занимается живописью с большим успехом и наслаждается заслуженной высокой репутацией за похожесть ее портретов, недавно покинула Париж, чтобы отправиться в Россию, где она намеревается провести некоторое время. Не сомневаемся, что она будет принята с тем же доброжелательством, с каким встречают в этой стране французских художников, и надеемся, что

она достойно представит себя искусству и его друзьям».

Письмо Газе и его заметка устанавливают, что Софи Шерадам и Адель Канель прибыли в Россию в начале лета 1823 года. Через несколько месяцев их здесь нашел Теппер, вернувшийся из своего долгого и печального заграничного путешествия, во время которого в октябре 1820 года в Париже он похоронил названую дочь, а в мае 1823 года в Дрездене – жену. 14 сентября 1823 года Е. А. Энгельгардт писал: «Теппер здесь. Схоронив в Париже Josefine, в Дрездене – жену, он возвратился сюда один и тяжело чувствует, что один на свете»⁴³. Его одиночество, однако, скрашивали встречи с Аделью: «Надо напомнить, что намерение Адели отправиться в путешествие было вызвано необходимостью сопровождать в Петербург племянницу, которая не знала этой страны <...> Когда я нашел ее, она уже собиралась возвращаться в Париж, ожидая только момента найти компаньонку для путешествия <...> Я продолжал видеться с Аделью, пока она не уехала, что произошло только в октябре из-за многих проволочек, которые доставила ей семья, согласившаяся ехать вместе с ней до границ Франции». За это время, однако, Теппер успел сделать предложение Адели. В глазах окружающих его матримониальные планы казались уж слишком поспешными, но он нашел поддержку у племянницы своей невесты: «После ее [Адели] отъезда я продолжал видеть ее племянницу, которая тоже выказала ко мне самое доброе отношение. Эта молодая особа скоро стала хорошо известна по самым благоприятным отзывам о ее превосходном таланте и качествам ее характера, и была надежда, что ее интересы не пострадают из-за болезненной жертвы, которую она принесла, оторвав себя на неопределенно долгое время от своего ребенка и семьи, к которым она была привязана всем сердцем. Адель держала в секрете мое предложение, и я был первым, кто подумал обратиться к ней за советом. Она ответила на мое доверие в самой доброжелательной форме, уверяя, что, насколько она знает меня сама и по рассказам своей тетушки, она уверена, что мы найдем счастье в этом союзе. С этого момента между

нами установилась дружба, которая казалась счастливым предзнаменованием».

12 ноября 1823 года Газе, еще не зная, что Адель Канель уже покинула Россию, осведомлялся у академика Круга, как поживают в Петербурге Софи Шерадам и ее милая спутница, и сообщал, что получил письмо от Софи⁴⁴. А 21 июля 1824 года мы опять видим Софи в Париже – вместе с мужем она присутствовала на подписании свадебного контракта Теппера и Адель⁴⁵. После свадьбы тетушки она вернулась в Россию – 24 февраля 1825 года Газе снова напоминает о себе Софи Шерадам в Петербурге⁴⁶.

Ю. Ю. Гудыменко установил, что Софи Шерадам уехала из России в апреле-мае 1827 года⁴⁷, то есть, она провела в России четыре года с небольшим перерывом. К настоящему времени выявлено только два ее русских портрета: уже упомянутый выше и находящийся в собрании отдела русской культуры Государственного Эрмитажа портрет великой княгини Елены Павловны и портрет княгини Анны Николаевны Голицыной, урожденной княжны Вяземской (1796–1873), находящийся там же (Инв. ЭРЖ-1188). Портрет опубликован Ю. Ю. Гудыменко и датирован 1824–1827 годами на основании фасона ее платья и прически⁴⁸. Но, учитывая «благоприятные отзывы» и «превосходный талант», упомянутые Теппером, можно полагать, что за время пребывания в России Софи Шерадам могла создать несколько десятков русских портретов.

Кто же мог быть среди ее русских моделей? Прежде всего, портреты великой княгини Елены Павловны и княгини Голицыной показывают, что она, действительно, нашла заказы среди петербургской аристократии. Ее мог рекомендовать и Теппер, имевший в этом кругу много знакомых и бывших учеников.

И Теппер, и Адель Канель, и Софи Шерадам были протестантами. Их церковь в Петербурге была французско-немецкая реформатская церковь на Большой Конюшенной улице, поэтому модели Софи могут оказаться среди прихожан этой церкви.

Видя близость Софи и Адели к академику Кругу, можно полагать,

Портрет княгини Анны Николаевны Голицыной. 1824–1827 гг. Государственный Эрмитаж

что она была рекомендована и академическим кругам.

И наконец, Теппер называет своим лучшим другом второго директора Императорского Царскосельского лицея Егора Антоновича Энгельгардта. Заманчиво думать, что среди работ, исполненных Софи Шерадам, могут оказаться портреты преподавателей Царскосельского лицея, чья иконография чрезвычайно скудна. До последнего времени мы не знали и Теппера в лицо, но его недавно обнаруженный портрет, датирующийся 1820-ми годами, – к сожалению, пока известный только по фотографии в семейном архиве, – тоже может принадлежать кисти Софи Шерадам. Во всяком случае, по стилю и композиции он вполне соотносится с портретами Штапфера и молодого человека с красным воротником, датирующимися этим же временем. Кроме того, зная семейные обстоятельства, можно предположить, что Софи Шерадам написала и небольшой портрет Адели Канель, фотография которого тоже имеется в семье.

Представляется, что поиски в фондах петербургских музеев и музеев других городов, куда в 1920-х годах перемещались художественные ценности, могут оказаться плодотворными. Теперь нам точно известно время пребывания Софи Шерадам в России, и тот факт, что в большинстве случаев она подписывала и часто датировала свои работы, может облегчить поиск и дальнейшую атрибуцию.

Портрет Людвиг-Вильгельма Тетпера де Фергюсона. 1820-е гг. Нынешнее местонахождение неизвестно

Уехав в Россию в 1823 году, Софи Шерадам исчезла из поля зрения своих соотечественников. Вернувшись на родину, она поселилась отдельно от своей большой семьи и не появилась опять на художественной сцене Парижа, поэтому ни ее возвращение, ни ее смерть в 1829 году не были замечены критиками, и она сама была удивительно быстро забыта. Уже в 1831 году, всего через два года после ее смерти, в Словаре художников французской школы дата ее кончины была указана как «около 1824 г.», а имя – как «Мме Cheradame, nee Bertrand»⁴⁹. Из этого раннего издания ошибки в дате и имени перешли и в позднейшие публикации.

Смерть Софи Шерадам не нашла отражения в мемуарах Тетпера, хотя он полюбил ее родных и провел с ними свои парижские годы. «Если вы полагаете, что полного счастья не

существует, посмотрите на меня и задумайтесь. Быть рядом с обожаемой женой; в семье, которая любит меня и каждый день выказывает мне знаки этой любви; защищенный от неожиданностей будущего небольшими средствами <...> имея любовь, доверие и уважение моей любимой жены – что еще нужно, чтобы быть счастливым?»

После смерти Адели в 1834 году Тетпер сохранил тесные отношения с семьей Берто-Канелей-Шерадам. Составляя свое завещание в 1834 году, он назначил распорядителями своего наследства брата Адели, Этьена-Франсуа Канеля и его супругу Эмилию. Этьену-Франсуа, полковнику жандармерии в Конне (Нормандия), Тетпер завещал свои золотые часы брегет, а детям Канелей – по 10 000 франков. Другому брату Адели, Луи-Гюставу, Тетпер назначил годовое содержание в 600 франков. Последние годы он провел вместе с братом покойной Софи Шерадам, Этьеном-Николасом Берто, и его женой Софи-Александриной, урожденной Роньон. Им он завещал свое движимое имущество. Возможно, к тому времени умер и муж Софи Шерадам – назначая Мари свое пианино и 10,000 франков, Тетпер назвал ее «внучатой племянницей моей жены, сиротой (выделено мной. – О. Б.), дочерью Софи Берто, жены Шерадама».

После смерти ближайших родных – Софи Шерадам, Адели и Тетпера, заботу о Мари взяла на себя семья Этьена-Франсуа Канеля – французские генеалогические исследования показывают ее в Конне (Саен), Нормандия, где в 1840 году она вышла замуж, имела нескольких детей и умерла в 1898 году. Можно полагать, что оставшиеся картины Софи Шерадам были унаследованы

ее дочерью, и теперь они могут находиться в семьях ее потомков.

Софи Шерадам была одной из очень многих художников-иностранцев (и немногих женщин), приехавших в Россию в надежде на признание и финансовый успех. Преодолевая свои трудные жизненные обстоятельства, она проявила независимость и незаурядные решительность и смелость. Софи Шерадам умерла, не достигнув и сорока лет, поэтому ее художественное наследие представляется довольно скромным. Сегодня, глядя на ее работы, вряд ли можно назвать ее гениальной художницей. Она не сумела достичь той славы, которой наслаждались Розальба Каррьера, Ангелика Кауффман и Элизабет-Луиза Виже-Лебрен. Но в свое время ее картины экспонировались рядом с работами знаменитых Жака-Луи Давида, Пьера Герена, Теодора Жерико, Антуана-Жана Гро, Анн-Луи Жироде-Триозона, Шарля и Ораса Верне, и не только не потерялись среди них, но были замечены и сочувственно оценены зрителями и критиками. Да и теперь все еще подкупают и вызывают симпатию ее безбоязненное обращение к полотну большого масштаба, старательная композиция и привлекательное цветовое решение ее картин, теплое внимание, доброжелательность и живой интерес к модели. Ее жизнь и творчество обогащают наше представление о художественном диалоге России и Франции 1820-х годов. А тот факт, что судьба доселе почти неизвестной французской художницы оказалась переплетена с жизнью Людвиг-Вильгельма Тетпера де Фергюсона, лицейского учителя пения и одного из наставников Пушкина, представляет дополнительный интерес для российских историков.

¹ См.: Перскевич З. А. Иконография великой княгини Елены Павловны // Великая княгиня Елена Павловна. [Сост. О. В. Баженова и др.] СПб.: Лики России, 2011.

² Dictionnaire general des artistes de l'ecole francaise. T. 1. Paris, 1882. С. 250; Saur. Allgemeines Künstler Lexikon. Bd. 10, 1995; Benezit Dictionary of Artists. Librairie Gründ. 2006.

³ J. L. Jules David, Le Peintre Louis David. Paris, 1880. P. 626. Его список включает восемь женщин-учениц.

⁴ Фонтенбло. 2 декабря 2012, лот 283.

⁵ Здание древнего аббатства было приобретено в 1662 году местной семьей Кери (Cary), постепенно перестроено и стало семейным домом нескольких поколений семьи. В 1930 году здание было выкуплено местным управлением и превращено в музей и картинную галерею, в коллекции которой не только семейные предметы семьи Кери, но и материалы, приобретенные или полученные в дар от других владельцев.

⁶ Delpech S. Examen raisonne des ouvrages de peinture, sculpture et gravure exposes au salon du Louvre en 1814. Paris, 1814. P. 134.

⁷ Petite revue de tableaux. N°. 69. Paris, 1814. P. 3. Картина воспроизведена в каталоге Салона 1814 года (Илл.39), оценена положительно, но автором ее указан Пьер-Жером Лордон (1780–1838).

⁸ Частное собрание. Экспонировалась на выставке «Romance and Chivalry»: Новый Орлеан-Цинциннати-Нью-Йорк, 1996. Воспроизведена в: Nadia Tscherny, Guy Stair Sainty. Romance & Chivalry: History and Literature Reflected in Early Nineteenth-century French Painting. 1996.

- ⁹ Lettres a David. P. 201–202.
- ¹⁰ Journal des Debats, 1 марта 1820 г.
- ¹¹ Экспонировался в 2008 году в Галерее мадам де Граффины, Виллерс-лез-Нанси, Франция.
- ¹² No 60–61. Эта информация приведена в Dictionnaire general des artistes de l'école française. Vol. 1, 1882. P. 250, и повторяется в Gazette des Beaux-Arts, 1963. P. 17. В обзорах Салона 1812 года эти портреты не упоминаются, но они указаны в справочнике Pierre Sanchez et Xavier Seydoux. Les catalogues des Salons des beaux-arts. I, 1801–1819. Paris: l'Échelle de Jacob, 1999. Однако имя художницы названо как Bertault (Mlle), и адрес – 52, rue de Richelieu. За справку благодарю Жоржа Готлиба, библиотекаря Национальной библиотеки, Париж.
- Нынешнее местонахождение портретов неизвестно.
- ¹³ E. Deschamps, H. de La Touche, A. Béraud, L.-F. L'Héritier. Lettres a David : sur le Salon de 1819. Paris, 1819. P. 201–202.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Адольф Рор в своей биографии Штапфера, публикуя портрет, делает ошибку в имени художницы, называя ее Софи Шерадам, урожд. Бертран (Adolph Rohr. Philippe Albert Stapfer – une biographie: A Berne de l'Ancien Régime à la Révolution helvétique (1766–1798). 2007. P. 341.
- ¹⁶ G. Monod. La famille Monod: Portraits et souvenirs. Paris, 1890.
- ¹⁷ La famille Monod. С. 87 и др.
- ¹⁸ Там же. С. 109.
- ¹⁹ Там же. С. 108.
- ²⁰ Памела – приемная или незаконная дочь мадам Жанлис, урожденная Стефани Каролина Анна Симс (1773–1831). В первом браке – жена лорда Эдварда Фитцджеральда; во втором – Джозефа Питкэйрна, американского консула в Гамбурге. Умерла в Париже.
- ²¹ Генерал Жан-Батист Сирус де Тимбрюн де Тьемброн, граф де Валенс (Jean-Baptiste Cyrus de Timbrune de Thiembronne, 1757–1822), был женат на дочери мадам Жанлис, Пульхерии.
- ²² Mémoires inédits de madame la comtesse de Genlis. Vol. 6. 1825. P. 222–223.
- ²³ Théâtre choisi de G. de Pixérécourt (1841). Paris-Nancy, 1841. Vol. 1.
- A végéter exempt de peine et de souffrance,
J'avais, jusqu'à présent, borné tout mon désir,
Et je n'osai jamais concevoir l'espérance
D'occuper de moi l'avenir;
Grâce à votre pinceau, ma vanité s'éveille,
Grâce à vous maintenant je vivrai quoique mort.
Si grand honneur me semble une merveille,
Et je suis tout fier d'un tel sort.
Parmi vos débiteurs souffrez que je m'inscrive.
Car d'être ingrat je n'eus jamais le tort ;
A la postérité si quelque jour j'arrive.
Je vous devrai mon passeport.*
- ²⁴ Людвиг Вильгельм Теппер де Фергюсон. Моя история. [Пер., ред, коммент. О. А. Байрд (Яценко)]. СПб.: Дмитрий Булани, 2013.
- ²⁵ France & Vicinity Marriages, 1700–1907. www.ancestry.com
- ²⁶ Умерла 30 марта 1802 года. В свидетельстве о смерти названо трое детей: Жан-Мари, Огюст и Александр. // Paris, France & Vicinity Deaths, 1707–1907. Record for Marie Louise Breget. www.ancestry.com
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Henri Dulac. Almanach des 25.000 Adresses des principaux habitans de Paris ... Vol. 3. 1817. P. 166.
- ²⁹ A. N. minute-central: ET / LIII / 878. Семейный архив.
- ³⁰ Имя Жана-Франсуа-Мари Шерадама упоминается в списке типографов Лилля, хотя нет уверенности, что это необходимый нам человек: Cheradame (Jean, François, Marie): imprimeur en lettres// Libraires et imprimeurs de Lille. 1813–1881. F/18/2011. Brevetés. Lille (Nord). <http://www.archivesnationales.culture.gouv.fr>
- ³¹ Romeo Arburo. Dictionnaire des femmes libraires en France (1470–1870). 2003. P. 134.
- ³² Это тот же самый дом по адресу 21, rue de Tour d'Auvergne, о котором рассказывается в семейной истории Монодов. Дом стоял на углу rue de Tour d'Auvergne и rue des Martyrs. Кроме того, из истории семьи Монодов выясняется, что в 1812–1814 годах они жили на rue d'Hauteville в Париже, где их соседями и друзьями были «месье и мадам Фергюсон» – старший брат Теппера Пьер-Шарль и его жена.
- ³³ Mémoires inédits de madame la comtesse de Genlis. Vol. 6. 1825. P. 252.
- ³⁴ Досье LH/418/21. Etienne-Francois Canel. // http://www.culture.gouv.fr/public/mistral/leonore_fr
- ³⁵ A. N. minute-central: ET / LIII / 878. Семейный архив.
- ³⁶ Annales de la littérature et des arts. Journal de la Société des bonnes-lettres. Beaux Arts : Expositions au Louvre des productions des artistes modernes. Paris, 1822. P. 9.
- ³⁷ См.: Медведев И. П. Письма Карла Бенедикта Газе в архиве академика Ф. И. Круга // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. / Медведев И. П., ред. СПб., 2004. С. 522–583.
- ³⁸ Там же. С. 539.
- ³⁹ Там же. С. 543.
- ⁴⁰ Henri Dulac. Almanach des 25.000 Adresses des principaux habitans de Paris..., Vol. 6, 1820. Part 1. P. 139. В справочнике Шерадам опять назван сыном фармацевта Жана-Пьера-Рене Шерадама (1738–1824). Надо полагать, что ошибка перешла из предыдущего издания справочника.
- ⁴¹ Письма Карла Бенедикта Газе. С. 566–567.
- ⁴² Там же. С. 577.
- ⁴³ Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899. С. 296.
- ⁴⁴ Письма Карла Бенедикта Газе. С. 579.
- ⁴⁵ A. N. minute-central: ET / LIII / 878. Семейный архив.
- ⁴⁶ Письма Карла Бенедикта Газе. С. 581.
- ⁴⁷ Гудыменко Ю. Россия первой половины XIX века из собрания живописи отдела русской культуры. // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. 69. СПб., 2011. С. 138.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Ch. Gabet. Dictionnaire des artistes de l'école française au XIXe siècle. Paris, 1831. P. 14.